

В. Ропшин

**В тюрьме. Посмертный
рассказ**

Борис Викторович Ропшин
В тюрьме. Посмертный рассказ

Ершов В.Г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139367

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
* * *	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Борис Викторович
Савинков
В тюрьме.
*Посмертный рассказ***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Незадолго до своей трагичной смерти Б. Савинков окончил повесть, ныне предлагаемую вниманию читателя. Повесть можно было назвать не общим холодным названием «В тюрьме», а страшным клеймящим словом «Мразь», которое сам автор употребляет по отношению к своему герою. Бесконечной гадливостью проникнут был Савинков даже в тяжкие дни, которые он в то время переживал, к своим недавним единомышленникам и тем, на кого он вздумал опереться в своей ненависти на непонятную им великую мировую силу. Трудно сказать, имелись ли у Савинкова какие-нибудь конкретные наблюдения для создания типичной фигуры полковника Гвоздева, или эта фигура явилась сгустком многочисленных прежних встреч и воспоминаний, а сам факт – плодом озлобленной фантазии. Во всяком случае ясно, что Савинкову незачем было описывать полковника Гвоздева,

если бы он считал, что это – отдельная пошлая личность. Нет, во всех прежних произведениях Савинкова, как и здесь, конечно, он преследует более широкую цель, – выводить типы, выводить символы. И в этом случае что означает рассказ «В тюрьме»? Его значение полностью сказывается в последних словах: «Гвоздев понял, что был арестован, лгал и убил Яголковского только из-за того, что боялся сознаться в своем ничтожестве, в ничтожестве „Синего Креста“. Это даже не совсем так по ходу рассказа, по ходу рассказа – Гвоздев вообще мразь как мразь, – он труслив, болтлив, лжив и от крайней трусливости способен на бессмысленное убийство, он непроходимо глуп и пошл, и из-за его глупой и пошлой лжи выглядывает, конечно, целая армия таких же Гвоздевых. Еще был бы какой-то социальный смысл и какой-то остаток социальной гордости, если бы человек „пострадал“ из-за нежелания признать ничтожество „Синего Креста“, но дело было не так. Сразу сознаться в ничтожестве этой организации и ничтожестве своей роли в ней Гвоздеву действительно не захотелось, а потом все пошло по глупой логике, ибо ведь, в самом деле, какое же человеческое достоинство может быть в том, что ради непризнания ничтожества организации „Синего Креста“ подлейшим образом наклеветать на целый ряд ни в чем не повинных и даже отчасти симпатичных Гвоздеву лиц. Все его поведение настолько лишено всякой тени чувства собственного достоинства или какой-нибудь идейности, что никак нельзя понять последних слов Са-

винкова как попытки психологического объяснения поведения его героя, желанием прикинуться значительным членом значительной организации.

Не в этом дело, и заключительную фразу повести надо понимать несколько глубже. Вообще все в Гвоздеве фальшь, несознательная и объективная фальшь. Ее-то Савинков и чувствует, ее-то он и стремится отразить в своем маленьком рассказе. Нет на самом деле никаких принципов, нет на самом деле никаких целей, нет никакой силы у организации, нет ровным счетом ничего. Есть тупая инерция, основанная на том, что большевики – разбойники и лжецы, и тупая инертная вера в какую-то Европу, которая поможет, – и за исключением этих выдумок все остальное сплошная дыра. Так же точно и в личном характере Гвоздева нет никакой последовательности. Художественно у Савинкова именно то, что поведение Гвоздева кажется реалистически допустимым в то время, как оно абсолютно нелепо. И вот это соединение правдолюбия и нелепости отраженным светом показывает нам всю беспредельную гнусность и пустоту Гвоздева. Нарисовавши такого химерического пошляка, Савинков без сомнения хотел сказать: вот кто они такие, вот кто они, в большинстве, эти белые, враги великой революции. Повторяю, надо было кипеть внутренней злобой против белых, чтобы написать эту вещь, далеко не лишенную художественной значительности.

Что касается большевиков, то они изображены здесь хо-

лодно и, так сказать, почтительно. Могут сказать, сидя в тюрьме у большевиков, мог ли Савинков относиться к ним иначе? Но это будет крайне поверхностное суждение. И здесь Савинков не изменяет известной художественной объективности, он ничего хорошего не говорит о Яголковском и его начальнике, он говорит, что эти люди сами очень много сидели в тюрьмах, сами очень много натерпелись в жизни, что они вносят в исполняемое ими дело не только суровость судебного долга хороших агентов какой бы то ни было власти, но некоторые особенности именно революционеров, прошедших через гонения и страдания и пришедших к власти ради этой, выстраданной долгими жертвами цели. Кто посмеет сказать, что это неправда и что в этом есть какое-нибудь искривление действительности?

Обстоятельства, сопровождавшие самоубийство Савинкова, известны мало. Быть может, причины, которые он высказал при этом, играли не столь исключительную роль, возможно, и какие-нибудь личные моменты, которые остались, а может быть, и навсегда останутся неизвестными широкой публике. Конечно, можно допустить, что Савинков, поняв призрачность дальнейшей борьбы с революцией, поняв, что фактически он пошел против всего, чему в меру своего понимания, но не без блеска, служил и что, принеся повинную голову революции, ожидал очень скорого изменения своей судьбы и предоставления ему той или иной более или менее ответственной работы, на которой он мог бы активно за-

гладить сознannую им вину перед историей. Возможно, что долгий срок, протекший со времени процесса, и холодная сдержанность Советской власти на всякие запросы о перемене судьбы могли привести этого гордого и сильного человека в отчаяние. В самом деле, не гнить же всю жизнь в тюрьме человеку подобной активности и подобного бешеного самолюбия. Савинков мог перенести что угодно, но только не презрительное забвение: такого поворота он мог действительно панически испугаться. Но с другой стороны, Савинков был человек далеко не глупый и не без выдержки. Не может быть, чтоб он не понял всю законность недоверия к нему, не может быть, чтоб он не предполагал, что со временем все может измениться и повернуться таким образом, что та или другая роль в революционном строительстве может выпасть на его долю. Но я оставляю совершенно в стороне попытки разрешения этой загадки. Для меня ясно только одно. Всякий из нас не мог не быть огорченным смертью Савинкова и не потому, что нам жаль его персонально, человек тот был – не только по своим полубелогвардейским идеям последнего периода, но и по общему тону прежних своих мирозерцаний – какого-то фанатического терроризма, а потом какого-то декадентского оплевывания своей партии, очень несимпатичен нам и чужд, а дело в том, что Савинков мог бы быть чрезвычайно полезен. Это я говорил уже в своей первой статье о Савинкове непосредственно после ареста.

Савинков очень много видел и очень много знал. Не счи-

тая его первоклассным талантом, нельзя не признать, что у него было известное беллетристическое дарование. Дарование это высказалось в довольно тонкой наблюдательности и язвительной остроумности, что очень сказалось в его недавней статье о Чернове. В некоторой общей нервной чуткости, которая легко позволяет откликаться Савинкову на все стороны событий, наконец, в довольно напряженной, местами даже захватывающей форме его повествований. Обладая таким количеством опыта и таким недюжинным пером, Савинков, несомненно, мог оказаться одним из интереснейших летописцев перипетий борьбы революции и контрреволюции.

Мы не знаем, что осталось как наследие Савинкова. Может быть, кроме маленького рассказа «В тюрьме», остались и другие рукописи. Во всяком случае, много томов интереснейших мемуаров, может быть, в художественной обработке унес с собою Савинков в могилу.

Рассказ «В тюрьме» не разочаровывает. Это, конечно, очень маленький очерк. Он не лишен серьезной значительности, но он еще раз показывает степень злобного презрения в отношении к своим недавним соратникам, душившего Савинкова, и дает лишние доказательства его литературной даровитости.

А. Луначарский

Внизу, во втором этаже, отчетливо раздались шаги. Полковник Гвоздев сел на койку, прислушался и начал считать: «Три... четыре... семь... девять...» Девять вперед, девять назад. Кто-то ходил по диагонали... «Новый жилец», – подумал полковник Гвоздев и стукнул несколько раз каблуком. Шаги прекратились. Он стукнул снова и подождал. Но снизу не отозвался никто, и опять стало одиноко и грустно. На секунду приоткрылся «глазок». В замке щелкнул ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.